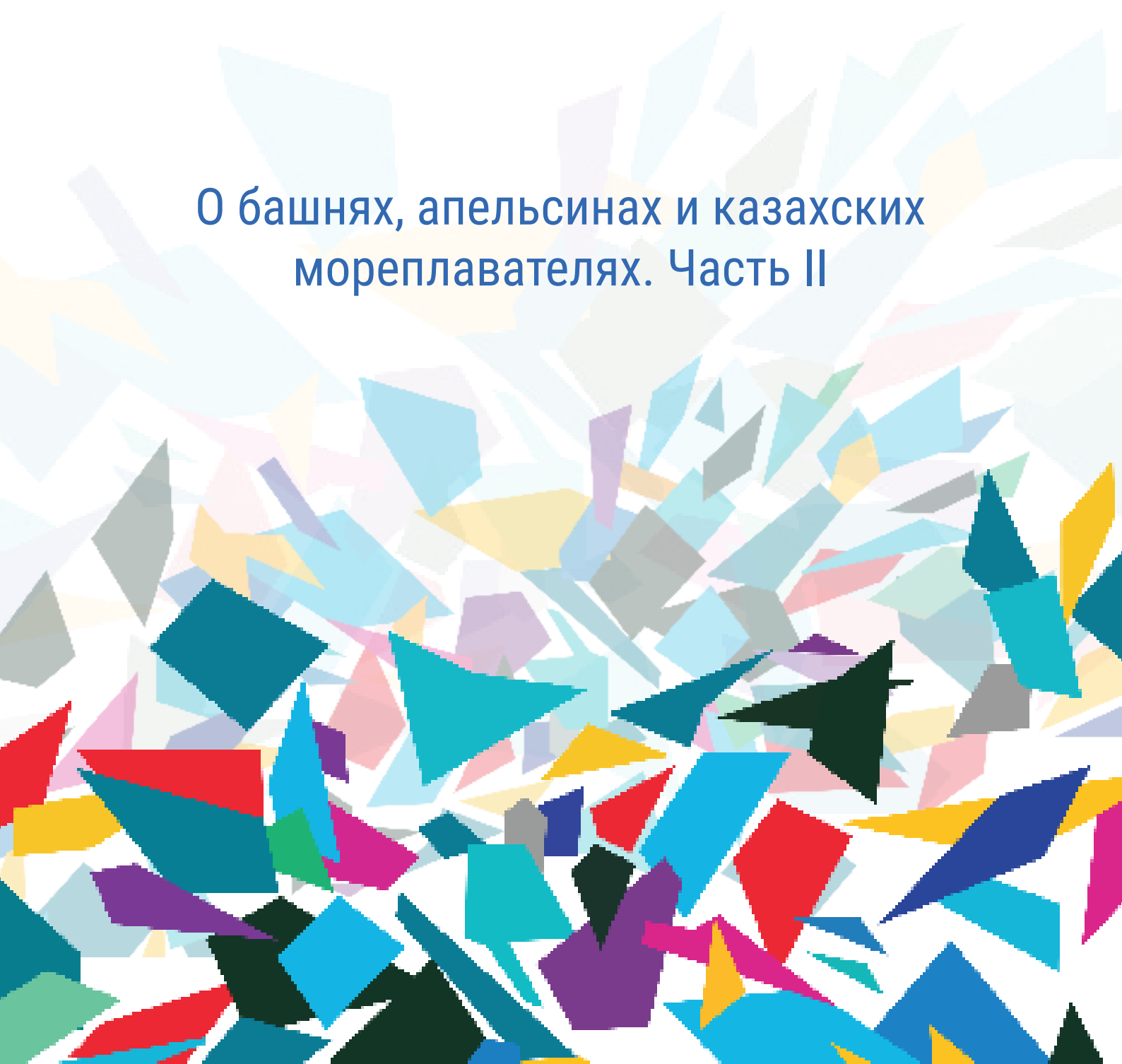

ЯЗЫК КАК ИНСТИНКТ

О башнях, апельсинах и казахских
мореплавателях. Часть II

Пинкер опровергает два утверждения, которые гласят, что структура мышления определяет ограничения, накладываемые на язык. Первое утверждение, которое он опровергает – существует какой-то первоначальный язык, который возник однажды в единственном виде. И все остальные языки – это потомки этого праязыка, которые эволюционировали. И второе утверждение, которое Пинкер отмечает, языки могут отражать универсальность мышления или какие-то способы обработки ментальной информации.

Как Стивен Пинкер аргументирует свою научную позицию? Во-первых, он говорит, что разнообразие языков, которое существует в мире, огромно. Это несколько десятков тысяч языков. Он критикует тех ученых, которые видят в этом какой-то замысел, который звучит, как «многообразие языков обеспечивает разнообразие мыслей и вследствие этого успешное развитие всей системы».

Мы знаем, что потенциал развития у однородных систем несравненно ниже, чем у систем с очень дифференцированными элементами. Чтобы было понятней для нашей аудитории, которая выросла в рамках диалектического материализма, мы скажем, что это как раз закон единственной борьбы противоположностей. Именно в борьбе противоположностей появляется новая грань, стоящая на более высокой ступени. Но с этим сложно спорить, и Пинкер не спорит с этим. Однако он говорит, что у сторонников такой теории существует одно слабое место. Эволюция не обладает способностью предвидения. Она не может закладывать определенные параметры на тот случай, если через несколько тысяч лет кому-то из людей придется общаться на другом языке или с представителями других языков.

Есть очень интересный пример, который имеет косвенное отношение и к нашей казахской культуре. Когда у одного из южноамериканских индейцев племени баро спросили: «Почему в мире существует так много языков?». Этот мужчина ответил: «Если бы все говорили на языке тукана, то где бы мы брали себе женщин для того, чтобы жениться на них». Люди понимают, что для здорового потомства необходим партнер с неповторяющимся набором генов. Этим и объясняется то, почему у нас, у казахов, существует строгий запрет на создание браков до седьмого колена. Именно многообразие обеспечивает развитие.

Во-вторых, Пинкер говорит о человеческой природе. Прочитав его: «Человеческие особи виртуозно вынюхивают мельчайшие различия, чтобы определить, кого им следует презирать».

Здесь мне на ум приходит французский философ, культуролог Эдгар Морен. В период 70-х, 80-х годов говорили о том, что все человечество едино, что существует примат общих человеческих ценностей и так далее. Тогда Эдгар Морен написал замечательный труд, где всесторонне обосновывает естественную позицию: мы интересны другому человеку только тогда, когда мы отличаемся от него. Другой «я» гораздо интересней, чем такой же «я». Это закон природы и этим объясняются все многочисленные, невероятно сложные процессы и на уровне генетики, и на уровне политической истории.

Но чтобы использовать этот закон эволюции применительно к языку, Пинкер цитирует Чарльза Дарвина: «Ключ к глубинному пониманию проблемы таков: формирование различных языков и обособленных видов, как и доказательства того, что и те, и другие развивались постепенно, на удивление сходны. В обособленных языках мы находим поразительные соответствия, причина которых в общности происхождения, и аналогии, причина которых в сходных процессах формирования. Языки, как и органические существа, могут быть классифицированы в группы внутри других групп, и они могут быть классифицированы как естественным образом в соответствии с происхождением, так и искусственным образом по другим параметрам. Доминантные языки и диалекты широко распространены и ведут к постепенному исчезновению других языков. Язык, как и биологический вид, исчезнув, никогда не появляется вновь».

Я думаю, что последняя фраза этой цитаты Дарвина является достойной того, чтобы лечь в основание программы сохранения и развития казахского языка. Те, кто считает, что ничего страшного, не случится, если каждый из нас не будет говорить на казахском языке и кто-то другой должен заниматься сохранением языка. Помните слова Дарвина о том, что язык, однажды исчезнув, не возвращается никогда.

Но если вернуться к проблеме разницы языков, такой же, как и разница между биоло-

гическими видами, то следует учесть факторы, о которых я попытаюсь детально рассказать в настоящей лекции.

Пинкер выделяет три фактора, которые влияют на различия языков. Первый – это изменяемость. Мутация в случае с языком – это лингвистическая инновация, которая присутствует постоянно. Второй фактор – это сохраняемость, когда потомки сохраняют язык, когда язык передается из поколения в поколение. По сути, это проблема обучаемости языку. И третий фактор, который обуславливает различие и языковое многообразие, – это обособленность языков.

Пинкер прежде всего начинает с обучаемости. Он говорит о том, почему необходимость выучивать язык в детстве по частям выгоднее, чем обладание изначально заложенной универсальной грамматикой. Проще было бы научить грамматическому коду ребенка, и дальше он обучался бы сам. На самом деле, минимальный необходимый словарный запас для коммуникации – это 60 тысяч слов. И ребенку сложно овладеть этим объемом в короткий период времени, даже несмотря на удивительную чудодейственную способность, которая у ребенка наблюдается в сенситивный период, от рождения до шести лет. Пинкер говорит о том, что инстинктивно усваивается только универсальный модуль. Модуль универсальной грамматики дает грамматическую решетку, ячейки которой сначала ребенок, а потом уже и взрослый человек, постоянно заполняет. Заполняет новыми понятиями, новыми словами, новыми идиомами.

Вторая причина, по которой язык необходимо выучивать, – это конечно необходимость общения, необходимость коммуникации. Любой код, любая универсальная грамматика и любой язык, если он известен только одному человеку – это как хлопок одной ладони. Для того чтобы общаться, для того чтобы владеть языком, в первую очередь, нужен собеседник. Для того чтобы передавать свои мысли, нужно разделять и знать те же самые понятия, которыми располагает, оперирует собеседник.

Еще одна причина многообразия языков – это зарождение вариативности. До этого мы говорили о том, каким образом пополняется словарный запас. Мы говорили о неологизмах, мы говорили о таком пути, как заимствование слов. Именно заимствование является основным путем обогащения языков и их различие. При переносе слова из одного языка в другой следует пояснить некоторые нюансы. По сути, любой язык способен объяснить своими словами любое новое явление, которое раньше в культуре данного народа не встречалось. С помощью грамматического кода, с помощью универсальной грамматики того или иного языка. Любой человек способен объяснить совершенно новые явления. Путем аналогии, путем метафор, аллегорий и так далее. Это характерно для доминантных языков, для сильных языков. Языки-субдоминанты и не только языки, но и культуры-субдоминанты чаще всего идут более легким путем. Если появляется новое явление, то вместе с ним приходит и его название из той культуры и языка, откуда оно было позаимствовано.

На примере русского языка – мы уже говорили о том, что лексический запас русского языка можно представить в виде многослойного пирога. И мы говорили о том, что очень много слов, связанных с государственностью, являются тюркизмами. Слова, которые связаны с названиями технических инструментов, пришли в русскую культуру в период Петровских реформ, когда было тесное взаимное влияние с немецкой культурой. К примеру: шлосер, фуганок или рея. Практически вся корабельная терминология в современном русском языке – это терминология из немецкого языка. Вся военная терминология тоже имеет немецкие корни. Начиная от формы, строевого шага и строевой структуры военных уставов в целом. Все это наследие немецкой, прусской в данном случае, культуры. Даже военные марши, которые пишут российские композиторы – это военные марши, написанные в стиле немецких маршей. В период со второй половины XVIII-го века и до середины XIX-го века в русской культуре было большое заимствование из французской культуры. Это рассвет, это Французская революция, во многом этому способствовала и Екатерина II, которая находилась в переписке с Вальтером и разделяла либеральные взгляды. Хотя была немкой и по происхождению, и по воспитанию.

Если мы вспомним произведение Льва Толстого «Война и Мир», где он описывал образ Наташи Ростовой: она прекрасно говорила на французском языке, считала его родным, а по-русски объяснялась с трудом. И с лексической точки зрения это не могло не отразиться

на современном русском языке. Взять, к примеру, слова из бытовой культуры, которые изначально были в обиходе у русского дворянства, но в XX веке стали общедоступными: бокал, кофе, косметика, предметы туалета – это все французские слова. А на протяжении XX век, и особенно ближе к концу, в русском языке появилось огромное количество заимствований из английского языка.

Что касается казахского языка: заимствований в нем очень много. И это проблема, которая горячо обсуждается сегодня. Во-первых, нужно знать то, что в казахском языке к началу XX века существовало большое количество заимствований из персидского языка. Например, слово «нан» – иранское. Очень много арабских слов. «Шалбар» – брюки, из арабского языка. «Шаровары» в русском языке и «шалбар» – это слова одного корня с одной этимологией. Но когда мы говорим о серьезной проблеме, которая стоит перед казахским языком: что не нужно выдумывать новые казахские слова, не нужно изобретать новояз. Давайте будем брать названия, которые уже существуют в других языках. Недавно все обсуждали в facebook'e новое слово: «сусиыр» – бегемот. «Сусиыр» – дословно – водяная корова. При этом было большое количество язвительных замечаний по поводу того, что это слово некрасивое и лучше использовать слово гиппопотам. Но при этом они забывают о том, что само слово «гиппопотам», которое используется во многих языках, пришло из греческого. Если перевести с греческого, получим «речной конь». «Гиппо» – это конь, «потамус» – это река. Согласитесь, бегемот все же больше похож на корову, чем на коня.

Многие говорят «давайте обогатим казахский язык заимствованиями». Заимствованиям нужно ставить заслон. И этим занимаются все уважающие себя культуры. Язык должен обогащаться, но он должен обогащаться собственными средствами. Заимствования – это и есть путь исчезновения языков, о котором так тревожится Стивен Пинкер вслед за Хомским. Это парантеза по поводу заимствования языков, а об исчезновении языков мы поговорим в следующей лекции, потому что Пинкер и Хомский придают очень серьезное значение этой проблеме. Хотя они являются носителями английского языка, который является доминантным в настоящем отрезке истории, они понимают, что многообразие языков обеспечивается именно такими заимствованиями и адаптацией.

Третья причина разнообразия языков – это обособленность. Это когда языки развиваются самостоятельно. Когда у них нет возможности для контактов с другими культурами, своего рода замкнутые культуры. И такие языки развиваются внутри собственной культуры, варятся в своем котле. Но если эта культура обладает большим потенциалом для самостоятельного развития, то в процессе появляется дериваты от каких-то корневых слов. Если брать казахскую традиционную культуру, и вообще тюркскую культуру – то сейчас тюркская цивилизация находится в стадии ремиссии, заката.

Но был период, когда тюркские языки были в употреблении на огромном расстоянии от Тихого до Атлантического океанов. От языка саха, на котором говорят в Восточной Сибири и до берегов Дуная. В этой цивилизации был достаточный потенциал для того, чтобы развиваться технологически и давать названия новым предметам, продуктам и так далее. Тюркская семья языков черпала новые слова, черпала ресурсы для пополнения словарного запаса внутри самой себя.

Но давайте вернемся к книге Пинкера «Язык как инстинкт». Заканчивая рассматривать особенности расхождения языков, Пинкер сам признается в том, что современный английский язык – это какая-то невероятная смесь греческого, латинского, кельтского и языков других древних народов. Французы вообще говорят «английский – это испорченный французский». Конечно, английская государственность началась с бриттов. Даже слово «Англия» – это название исторической провинции британского острова, уголок Римской империи. Римляне, жившие там до этого, говорили на романском языке. Возможно, именно поэтому слоган на гербе Соединенного Королевства написан на французском языке. Там написано «Dieu et mon droit» (с фр. – «Бог и мое право»).

Заимствования из других языков происходят, как мы уже говорили, с появлениями объектов или явлений из других культур. И вот здесь бывает очень много спекуляций. Спекуляции, конечно, вызваны политической конъюнктурой, какими то интересами, которые всячески маскируются. Это нужно учитывать.

Пинкера в качестве примера приводит происхождение слова orange – «апельсин». Он выводит этимологию слова в английском языке от испанского *naranja*. Это странно слышать от Пинкера. Потому что лингвист и ученый такого уровня безусловно должен знать, что апельсин как продукт появился в Европе только в XV веке, в период колонизации юго-восточной Азии. Апельсин он был привезен из Китая португальцами и пришелся ко двору. Его стали выращивать на юге Франции. А потом завозить в более северные страны Европы, в том числе в Голландию.

В то время одну из ведущих позиций в Европе занимала Оранская династия, дом Герцога Оранского. Так вот в то время именно Оранский был правителем Северной Италии и Южной Франции, тех мест, где создавались первые апельсиновые оранжереи.

Вот почему Стивен Пинкер умалчивает о том, что изначально апельсин на голландском языке, когда он только появился в Европе, назывался «апельсинане». Что означает «китайское яблоко». И в русском языке слово апельсин – от немецкого «апельсинен».

Другое дело, если мы будем говорить правильно в казахском языке. Не апельсин, не оранж, мы могли бы сделать кальку – «кытай алма». Я как-то в шутку назвал так апельсин, разговаривая со своей дочерью. А она очень любит этот фрукт. С тех пор, вот уже 19 лет, для нее апельсин – это только «кытай алма».

Я привел этот пример для того, чтобы показать, что доминантные языки позволяют себе негативным образом влиять на субдоминантные языки, что ведет к их к постепенному исчезновению.